

— Юрий Георгиевич, прежде чем задать вам несколько вопросов, позвольте спросить, как вы вообще относитесь к интервью?

— Очень по-разному... Мне иногда кажется, что, выступая на страницах печати, давая интервью на творческих встречах, актеры часто занимаются не своим делом. Если актер начинает анализировать свои роли, то ситуация несколько двусмысленная, поскольку возникает вопрос: а где же ты раньше-то был? На площадке надо было анализировать. Если анализируются чужие — то это и вовсе дело критиков, а не актеров.

Или начинают раскрывать «творческую кухню»: где был актер, когда прыгал дублер, сколько раз что переснималось и какие курьезы происходили... Одним словом, «дней минувших анекдоты».

Мне кажется, что гораздо нужнее и зрителю и читателю поговорить о тех проблемах, которые их интересуют и волнуют, узнать, понять мировоззрение художника. Поэтому мне сегодня хотелось бы поговорить о вещах, которые я считаю важными и интересными, во всяком случае, которые меня волнуют, — о работе актера, о профессии, об отношении к делу.

— Складывается такое впечатление, что в кино у вас более широкий, а главное, более богатый круг ролей. Каким принципом вы руководствуетесь, выбирая роль?

— Вообще у меня нет жесткого принципа выбора ролей. Это может быть интересный сценарий, интересная роль, интересный мне режиссер. Последнее, пожалуй, самое главное.

Я, честно говоря, не боюсь браться за роли, которые похожи на сыгранное ранее, и вот почему: мне кажется, что все зависит от актера — будет это штампом или нет. В конце концов у двух схожих человеческих поступков могут быть совершенно различные бытовые и психологические мотивы и совершенно различные результаты. Опасно ведь не то, что характер похож на другой, ранее созданный. Этого повторения можно избежать, если сам не хочешь повторяться. Гораздо хуже другой вари-

ВЕРШИНА— ВСЕГДА ВПЕРЕДИ

Коротко о главном

Наш собеседник —
заслуженный артист РСФСР
лауреат премии Ленинского комсомола
Юрий БОГАТЫРЕВ

ант — когда предлагается, в общем, большая, важная для фильма роль, но герой лично неинтересен, плосок, примитивен. Если яркому, незаурядному характеру актер в состоянии дать необычные, неожиданные мотивировки поступков, то при отсутствии этого личностного начала в герое, как ни расцветай, как ни разукрашивай, — все впустую. Можно интересно сыграть человека, который «пустое место», и в этом будет позиция, отношение, смысл. Но когда это пустое место выдается сценарием за нечто значительное, а тебе предлагается этот подлог органично воплотить — это для меня уже непримлемо.

Мне вообще кажется, что важнее не сам поступок, а его мотив. Вот, к примеру, для Егора Шилова важнее не то, что он «свой среди чужих», не это составляет для него экстраординарность ситуации, а то, что он — «чужой среди своих». По логике друзья действительно не могут ему верить — слишком странны и неправдоподобны обстоятельства, в результате которых все указывает если не на прямую, то на косвенную вину Шилова.

Но в том-то и дело, что логике поддается все, кроме человеческих чувств. Кроме взаимоотношений. И друзья должны были вопреки всему пове-

рить в Егора, а не в факты, поверить в свои чувства к нему, в собственное доверие к этому человеку. Но они не поверили, и это составляет нерв всего образа Егора в фильме, составляет драматизм этой личности, необычность этой судьбы.

Я считаю очень важным умение «сбалансировать» роль. Что я имею в виду? Скажем, в сущности, любому уважающему себя актеру неинтересно играть героя, характер которого окрашен в одну-единственную краску: чудак, злодей, герой, добряк. Самый хороший человек, если он несложен, одномерен, может, по сути, оказаться совершенно скучным человеком, неинтересным как личность.

А очень часто именно такие варианты и предлагаются. И приходится преодолевать локальность обрисовки героя в сценарии чисто актерскими средствами. При этом не хочется, чтобы поиск особых, характерных, индивидуализирующих черт героя превращался в «утепление», разбавление черного голубым и голубого черным.

Очень важно, чтобы эти черты сообщали личности многомерность, выявляли сложность человеческой природы, внутренне обосновывали причины возникновения такого, а не

много характера героя. Мне кажется, что надо не только искать, в чем плохой хорош и что не дает хорошему превратиться в нечто бесплотное с крылышками, но и обнаружить в душе героя корни его поступков — и добрых, и злых. Словом, герой должен «состоять» не только и не столько из внешних проявлений, сколько из движений души.

— Вы говорили о том, что режиссер для вас — главный фактор в кино. Тут сразу напрашивается вопрос о вашей многолетней совместной работе с Михалковым...

— Наверное, мне очень пошло в жизни, что я встретился с Никитой Сергеевичем, режиссером, работа с которым, как мне кажется, позволяет открыть много неожиданного в самом себе. Работа с этим человеком не только дает творческое удовлетворение, не только с каждым разом позволяет еще немного раздвинуть собственные актерские горизонты, но доставляет и просто радость творческого и человеческого общения.

Наверное, именно поэтому я довольно ревниво отношусь к работе с другими режиссерами. Бывает, что, в общем-то, и роль небезынтересна, но отсутствие желанного человеческого контакта с постановщиком заставляет отказаться от предложенной работы...

— Юрий Георгиевич, а что же вам представляется самым главным в актерской профессии?

— А в актерской профессии нет мелочей. Все важно. И тем не менее, самым главным мне кажется отношение актера к своей профессии. Нет, наверное, актера, который не любил бы свою работу, иначе это вообще не актер. Но важно ведь, что вкладывать в эти слова. Говорить, что это любимое дело и в нем смысл твоей жизни — значит отделяться, в сущности, общими словами.

Я ощущаю профессию актера прежде всего как способ выражения тех мыслей и чувств, идей, системы взглядов на мир, человека, жизнь, которые составляют кредо личности актера. И тут вопрос: насколько значительна сама личность? Ведь хороший профессионал, наделенный талантом и обладающий мастерством, может сыграть многое, и почти никто не обнаружит подвоха. Но если человек внутренне пуст, если в роль не вкладывается его собственная позиция, то это уже не художник, а шаман, трюкач.

Только собственное чувство, собственная позиция, отношение, которыми окрашиваются тот или иной образ, делают профессионала художником. Радость, которую доставляет сам процесс работы, это радость понимания, радость открытия. Поэтому, когда я говорю, что каждый день учусь своей профессии и буду учиться всю жизнь, я вовсе не кокетничаю. Как только иссякнут эти открытия, прервется процесс постижения все новых истин — артист кончился.

Думаю, что предела совершенству, а значит, и совершенствованию, нет. Если человек почувствовал, что вот все достигнуто, вот она, вершина, дальше идти некуда, ему нужно просто уходить из профессии.

Беседу вела
И. ПАВЛОВА